

Оленеводство и идентичность уйльта Сахалина (советский и постсоветский периоды)

Людмила Миссонова

Уйльта – один из самых малочисленных народов Дальнего Востока России, исторически подразделившийся на две группы – северную доронени («люди, живущие на Севере»), и южную, суннени («люди, живущие ближе к солнцу»). Исследователи XX в. относят уйльта по языковой классификации к тунгусо-маньчжурской группе народов, по антропологической – к представителям байкальского типа.

Необходимо отметить, что, культурная и экономическая ситуация в этносоциальной среде, окружающей уйльта, и в самом обществе уйльта изменяется каждый год порой непредсказуемо. Так, например, в 2001 году невозможно было предположить, что оленеводство уйльта сможет когда-либо в будущем иметь свое развитие. А в 2003 году, принимая непосредственное участие в кочевом образе жизни оленеводов (северной группы уйльта), я убедилась в том, что оленеводство в форме семейных хозяйств имеет однозначно свое будущее. Иными словами, почти через сто лет после ликвидации системы семейно-родового выпаса оленей, оленеводство безо всякого влияния извне вдруг возрождается именно в такой форме – форме семейного выпаса оленей.

Обращение исследователей разных стран к динамике трансформаций оленеводства в последние десятилетия часто ставит цель отобразить социальную картину коллективного хозяйства оленеводческого общества в конкретный период перехода от одной общественной трансформации к другой. Это вызвано не просто желанием констатации, но и необходимостью акцентирования трагического положения и его истоков в этой сфере деятельности и обусловлено изучением политики многоэтнического государства и общего социального устройства в Сибири или на Дальнем Востоке России.¹ Актуально сделать попытку понять причины устойчи-

1 Данные вопросы изучались: Ivar Bjorklund, "Sami Reindeer Pastoralism as an Indigenous Resource Management System in Northern Norway: A Contribution to the Common Property Debate," Milton M. R. Freeman and L. N. Carbyn, eds., *Traditional Knowledge and Renewable Resource Management in Northern Regions* (Edmonton: The IUCN Commission on Ecology and the Canadian Circumpolar Institute, 1988), pp. 48–54; Bjorklund I. *Ravitalization or Reification: A Primer on Ethnohistory in Sapmi, Norway* // *Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования*. Иркутск, 2007; A. Majewicz, "The Oroks: Past and Present," *The Development of Siberia: Peoples and Resources* (New-York: St. Martin Press, 1989); A. Majewicz, *The Oroks. Past and Present* [Working Papers 20, Institute of Linguistics, Adam Mickiewicz University] (Poznań, 1991), pp. 1–30; Круник И.И. Арктическая этноэкология (модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной

вого обращения к оленеводству крайне малочисленного народа на различных этапах истории, порой при полном отсутствии необходимых для этого социально-экономических условий. Чем объясняются значительно отличные от других оленеводческих обществ размеры и формы ведения оленеводческого хозяйства, приемлемые для уйльта? **Что значит оленеводство для человека XX и XXI в. в сравнении с XIX в., ассоциирующего себя с этой этнической общностью?**

Основные сферы жизнедеятельности уйльта – оленеводство, рыболовство, охота. Данные сферы деятельности складывались веками, но резкие изменения произошли в минувшем XX веке. Особенно это касается оленеводства, которому пришлось дважды претерпеть путь насильственных резких изменений со стороны государства. Поэтому именно оленеводство важно рассмотреть подробно с точки зрения его трансформации, претерпевшей особенно выразительные изменения за прошедший век. Таких резких скачков, какие очевидно наблюдаются именно в этой сфере хозяйства, не претерпевало рыболовство, морской промысел и охота у уйльта в те же временные рамки. Рыболовство развивалось более спокойно, постепенно видоизменяясь, приобретая иные формы без

Евразии). М., 1989; Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Ороки Сахалина: проблемы современного развития / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Серия «Межнациональные отношения в СССР». Документ № 23. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1991; Inoue Koichi, "Uilta and Their Reindeer Herding," *Ethnic Minorities in Sakhalin* (Yokohama, 1993), pp. 105–127; Kwon Heonik, "Maps and Actions: Nomadic and Sedentary Space in a Siberian Reindeer Farm." A Dissertation submitted in partial completion of the requirements for a Ph. D., University of Cambridge, 1993; B. Grant, *In the Soviet House of Culture* (Princeton: Princeton University Press, 1995); Этногеографические исследования. Вып. 1. Кочевое оленеводческое население: оценка возможностей этносоциальной адаптации и развития. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1996; Роон Т.П. Уйльта Сахалина (историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX веков). Южно-Сахалинск, 1996; Роон Т.П. Промышленное освоение и правовые проблемы коренных народов Сахалина (90-е годы) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 1. Южно-Сахалинск, 1998. С. 146–155; Роон Т.П. Изменения в экономике коренных народов Сахалина в XX в. // Расы и Народы. Вып. 28. М., 2002. С. 146–159; Роон Т.П. Классификация традиционной материальной культуры Сахалинских нивхов и уйльта (ороков) // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России (Материалы к историко-этнографическому атласу). Владивосток, 2003. С. 70–76; Patty A. Gray, "Chukotkan Reindeer Husbandary in the Post-socialist Transition," *Polar Research* 19:1 (2000), pp. 31–37; Nikolai Ssorin-Chaikov, *The Social Life of the State in Subarctic Siberia* (Stanford: Stanford University Press, 2003); David Koester, "Public and Native Life in the 21st Century: How Indigenous People of Kamchatka Discuss Present Conditions and Future Prospects," *The Proceedings of the 19th International Abashiri Symposium* (Abashiri, 2005), pp. 43–49; Миссонова Л.И. Остров Сахалин: современные проблемы жизнедеятельности уйльта (ороченов) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 162. М., ИЭА РАН, 2003; Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: Большие проблемы малочисленного народа. М., 2006.

каких-либо резких влияний. В северной группе ныне рыболовство не занимает главенствующую роль в жизни народа. В новых современных экономических формах идет довольно успешно развитие этой сферы в южной группе уйльта.

Почему же оленеводство, практически ушедшее из жизни большинства представителей этого народа, и в начале XXI в. по-прежнему прочно занимает свое место в умах людей? Имеющиеся архивные и экспедиционные материалы дают возможность понять суть характера изменений оленеводства. Данные изменения имеют различную социально-политическую окраску на разных этапах истории многоэтничного государства.

Мое исследование уйльта Сахалина было основано, прежде всего, на экспедиционных материалах, полученных во время работы с информаторами – представителями коренного населения, осознающими себя «уйльта» (или «орочены»), в Ногликском (частично Охинском) и Поронайском районах Сахалинской области. Кроме того, мною использовались многочисленные данные Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (Владдивосток), Государственного архива Сахалинской области (Южно-Сахалинск), Ногликского и Поронайского районных государственных архивов (Ноглики и Поронайск Сахалинской области), архива Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН (Санкт-Петербург), Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургского филиала «Архива РАН» (Санкт-Петербург). Обширный объем информации содержат архивные фонды по истории оленеводческого колхоза «Вал» Восточно-Сахалинского района, совхоза «Оленевод», зверосовхоза «Поронайский», итогам Всесоюзных переписей скота, а также Протоколы заседаний исполкомов народных депутатов, касающихся проблем коренных народов Севера, документы о национально-производственных и родовых кооперативах.

Детально изучались мною и основные данные всех доступных Переписей населения России, начиная с Первой всеобщей переписи населения 1897 г., включающей Перепись инородческого населения. Первые материалы Переписей по острову Сахалин публиковались в 1899, 1903, 1904 годах.

Обратимся к истории оленеводства уйльта.

Если вспомнить, от каких слов образованы многочисленные названия народа, получится, что в их основе лежит либо слово «орон», обозначающее по-тунгусски – ручной олень,² либо «ула(а)» – одомашненный олень». ³ Главное, что представляет интерес – в самоназвании (и различ-

---

2 Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I. Тунгусы собственно. Вып. 1 / Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXXI. СПб., 1906. С. 2–3.

3 Маевич А. Ороки в прошлом и настоящем // Краеведческий бюллетень. 1994. № 2. С. 12–13.

ных этнонимах) отражено прямое отношение оленя (или оленеводства) к жизнедеятельности уйльта.

По классификации В.Г. Богораза,⁴ оленеводство уйльта можно отнести к типу «южного» «с верховой ездой» («санная езда» «северного» типа используется в зимнее время). По «способу пастьбы» верховое оленеводство уйльта относится к «восточному» типу («восточный» и «западный» типы выделяются в пределах «северного») – без применения пастушеской собаки. Рассматривая элементы транспортного использования оленя, можно отметить, что у уйльта имелись и «упряжной», и «верховой» виды транспорта. По устройству верхового и вьючного седел, посадке и способу седлания справа, оленеводство уйльта (как и эвенков, эвенов, долганов, юкагиров, якутов и негидальцев) относится к «сибирскому типу».⁵ Важным для классификации оленеводства служит такой «признак использования оленя, как наличие или отсутствие доения важенок». Доение важенок известно было уйльта также, как и эвенкам, охотским эвенам, негидальцам, долганам, северным якутам, тувинцам, тофаларам и саамам. «Интересно отметить, что как раз те группы, которые знакомы с приготовлением молочных продуктов, имеют и специально верховое седло».⁶ Основываясь на экспедиционных материалах конца XX – начала XXI в. можно подтвердить, что даже нынешнее молодое поколение оленеводов уйльта имеет представление о приготовлении молочных продуктов, к примеру, масла из молока оленя. Оленеводство уйльта, «по некоторым признакам при-мыкая к оленеводству эвенкийских групп, отличается своеобразной упряжкой, не имеющей нигде себе подобных»,⁷ в остальном оно сходно с оленеводством алдано-зейско-амгунской группы эвенков. Сходна у них и вся терминология, относящаяся к верховому транспорту. Кроме того, сказания уйльта упоминают «предков, вышедших с Амгуни на Охотское побережье и дальше на Сахалин». Все это «позволяет видеть в этих предках группы древних оленных тунгусов».⁸ Со времен Л.И. Шренка утвердилось мнение, согласно которому оленная упряжь «ороков» появилась в результате подражания собачьей упряжке гиляков и айнов.⁹ Г.М. Василе-

4 Богораз В.Г. Древние переселенцы народов в северной Евразии и в Америке // Сборник Музея антропологии и этнографии. VI. Л., 1927. С. 37–62; Богораз В.Г. Оленеводство. Возникновение, развитие, перспективы // Сб. Проблемы происхождения домашних животных. Вып. I. Л., 1933. С. 219–251.

5 Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. М.-Л., 1951. С. 71,73; Василевич Г.М., Левин М.Г. Оленный транспорт // Историко-этнографический атлас Сибири. Изд-во Академии наук СССР. М.-Л., 1961. С. 11–54.

6 Василевич, Левин, Типы оленеводства. С. 75.

7 Там же. С. 76.

8 Там же. С. 85.

9 Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. Этнографическая часть. Первая половина: Главные условия и явления внешнего быта. СПб., 1899. С. 176, 178.

вич и М.Г. Левин отвергают это мнение, так как орокская нарта коренным образом отличается от нивхской собачьей нарты, оригинальна и упряжка из одного оленя: «Возможно, что тунгусоязычные предки ороков пришли на Сахалин, уже будучи знакомы с оленней упряжкой».¹⁰

Если говорить об истории распространения оленеводства, можно выделить мнение Г.М. Василевич и М.Г. Левина в пользу того, что, по всей вероятности, в целом оленеводство распространилось по северу Евразии из южных районов Сибири, «оно возникло в двух областях – Алтае-Саянском нагорье и в горных районах Забайкалья-Приамурья». Ко второй названной области, видимо, можно отнести и оленеводство уйльта. Первоначальное транспортное использование оленя было принято под вьюк и седло, что и характерно для уйльта. Существует также мнение, что оленеводство возникло под влиянием коневодства (монголоязычных групп).¹¹

При этом необходимо учитывать, что длительное пребывание на Сахалине привело уйльта к очевидной необходимости приспособиться к окружающим условиям и обрести ряд оригинальных черт быта, существенно отличающих их не только от специализирующихся на оленеводстве, к примеру, представителей «чукотско-коряцкого» типа, но и от близких им оленеводов и охотников таежного типа – эвенков и эвенов «тунгусо-якутского» типа. В жизни уйльта важную роль стали играть рыболовство и морской зверобойный промысел; быт их не был чисто кочевым и приобрел много элементов оседлости. Особенно сильно это отразилось на хозяйстве южной группы уйльта. К концу XIX в. южные уйльта в основном уже лишились оленей и занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, таежной охотой.

Стоит заметить, что «охотский подвид северного оленя, обитающий на острове Сахалине, – самый крупный из всех палеарктических северных оленей».¹² Обращаясь к теме оленеводства уйльта, необходимо принять во внимание исследования биологов,¹³ которые отмечают, что «на Сахалине зимняя плотность населения диких северных оленей не превышает 6 голов на 1000 га; поэтому утверждать, что в прошлом на острове имелось десяти тысячное стадо, весьма трудно». Вероятно, это может служить подтверждением того, что число оленей, попавших вместе с людьми на Сахалин, никогда не могло быть большим. Будущему исследованию ДНК (DNA) северных оленей Сахалина еще предстоит прояснить многие вопросы, связанные и с историей этнической общности уйльта.

---

10 Василевич, Левин, Типы оленеводства. С. 86.

11 Там же. С. 85, 87.

12 Загородских Н.Е., Реймерс Н.Ф. Дикий северный олень Сахалина // Дикий северный олень в СССР (Материалы первого Междуведомственного Совещания по охране и рациональному использованию северного оленя в СССР). М., 1975. С. 223.

13 Там же. С. 225–226.

При изучении архивных материалов напрашивается и еще один вывод, подтверждающий описания Б. Пилсудского в 1904 году. В прошлом уйльта никогда не имели большого поголовья оленей, у них не было традиционных навыков выпаса огромного стада – планы ведения хозяйства создавались и предписывались зачастую теми людьми, которые могли никогда и не быть на Сахалине, естественно они и не представляли все природные условия, возможно и не совсем пригодные для содержания стада в особо крупных размерах. Семья уйльта в начале XX в. до организации колхозов имела не более 15–20 оленей. Лишь отдельные семьи, считавшиеся очень богатыми, владели сотней оленей. А один род – Нучи Баяуса – имел около 300 оленей и его стадо в дальнейшем составило основу хозяйства колхоза «Вал».¹⁴ Приданое женщины, исчисляемое 3 оленями (плюс вещи), считалось «довольно крупным». Поэтому после смерти ее мужа отец и брат покойного, которому она перешла по праву левирата желали ее «удержать в своем доме», чтобы не лишиться оленей.¹⁵ В советский период, нетрудно заметить, что пастухи-оленоводы имели в своем личном хозяйстве не более 2–8, максимально – 15 голов оленей.

Имеющиеся документальные материалы позволяют проследить процесс организации колхозов на Сахалине с 30–40-х гг. XX в.¹⁶ «Колхоз “Вал” Восточно-Сахалинского района организован в 1932 г. из народностей Севера...» Позднее в 1940 г. был организован оленеводческий колхоз «Вал» «путем слияния двух колхозов» – колхоза «Вал», выпасавшего оленей на пастбищах между реками Вал и Пильтун и колхоза «Красный тунгус – Набиль», выпасавшего оленей на пастбищах между реками Тымь и Эвай.¹⁷ В отчете о работе зоотехнического пункта при колхозе особо отмечается, что стадо «не окарауливалось, а ... выпасалось свободно», то есть был присутствующий вольный выпас, характерный для таежного типа оленеводства. Пастухи ежедневно объезжали «пастбища, занятые стадом». Отел важенок происходил «без надзора». Пастухи вылавливали отелившихся важенок и выводили их к стойбищу.¹⁸ Начиная с 1938 г. потери оленей «без вести»

14 Полевой материал А.И. Кузнецова и Л.И. Миссоновой (ПМА). Сахалинская область. Ногликский и Поронайский районы. Экспедиции 1990–1991 гг.; Кузнецов А.И. Ульта // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). Вып. 4. М. - Улан-Удэ, 1999. С. 44.

15 Пилсудский, Бронислав. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г. Южно-Сахалинск, 1989. С. 22.

16 Государственный архив Сахалинской области (ГАСО), ф. 333, оп. 1, д. 2, л. 2; Документ № 57. Из справки Сахалинского областного управления сельского хозяйства о развитии животноводства. 12 апреля 1950 г. / ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 514, л. 3–5, 9, 12, 17–19; Социалистическое строительство на Сахалине и Курильских островах 1946–1975 гг. Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 62–63.

17 ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 514, л. 1.

18 ГАСО, ф. 333, оп. 1, д. 1, л. 1–8; д. 2, л. 3–3 об.

присущи всем без исключения оленеводческим хозяйствам.¹⁹ В декабре 1946 г. председатель колхоза «Вал» призывал пастухов в 1947 г. отказаться от вольного выпаса стада и перейти к «круглосуточному окарауливанию его». Оленеводы считали, что эту работу нельзя выполнить, так как перед ними ставилась задача добиться «100% приручения оленей в стадах».²⁰ По твердому убеждению современных оленеводов, олень всегда остается прирученным лишь до какой-то степени. Каждый год всем поколениям оленеводов приходится одомашнивать даже теленка, рожденного в неволе: он зависим только от матери, в остальном ведет себя абсолютно независимо и людям сам подчиняться не собирается. Поэтому, естественно, эта затея председателя не удалась.

Всему советскому периоду были присущи попытки привнести что-то новое и любыми средствами добиться увеличения поголовья. Например, в конце 40-х годов был сделан вывод о возможности «в течение пяти лет с 1949 г. ... довести поголовье ... стада до 7500 голов путем естественно-го прироста, учитывая ежегодную выбраковку и плановый убой».²¹ При этом следует обратить внимание на невероятную большую «Нагрузку оленей на 1 пастуха по уйльтинскому колхозу “Вал” за 1949 год»²²:

Стада	среднегодовое поголовье оленей	Среднегодовое количество пастухов	нагрузка на 1 пастуха (голов оленей)
Стадо №1	1290	8	161
Стадо №2	1516	7	216
Стадо №3	1313	6	219
Стадо №4	429	3	143
Всего	4548	24	190

Маловероятно, чтобы один человек мог приручать ежегодно 1,5–2 сотни оленей в условиях Сахалина и оленеводческой традиции уйльта. Представляется более правдоподобной ситуация вольного выпаса полудиких меченых оленей, которые считались собственностью колхоза. Каждый год пастухи отлавливали только что «появившихся на свет» телят, и именно это количество меченых особей определяло ежегодное пополнение колхозного стада. Определить точно, какое количество всего телят произвели на свет важеньки, скорее всего не было реально. Существовали планы ежегодного отлова телят (например, в 1940 г. норма вылова телят на пастуха составляла 60 голов), кроме того, приветствовалась поимка телят «сверх» плана.²³

19 ГАСО, ф. 333, оп. 1, д. 2, л. 1-1 об., 2-2 об.

20 ГАСО, ф. 333, оп. 1, д. 2, л. 5-6.

21 См. Сводки движения стада Оленеводческого колхоза «Вал»: ГАСО, ф. 333, оп. 1, д.3, л. 2, 11-13, табл. № 1-5.

22 ГАСО, ф. 333, оп. 1, д. 3, л. 18, табл. № 13.

23 ГАСО, ф. 333, оп. 1, д. 1, л. 2, 15, табл. № 9.

годы	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949
Всего выловлено телят	655	848	1130	1308	856	1304	1248	1308	1152	1213	137_
Количество пастухов, занятых на вылове	19	13	14	19	18	17	17	18	14	15	15
Нагрузка на 1 пастуха годовалых телят	34	65	80	69	47	77	73	72	82	86	92

Такой способ ведения хозяйства не имел ничего общего ни с традиционным для прошлого оленеводческим образом жизни, ни с реальной жизнью оленеводов в XX веке.²⁴ В феврале 1941 г. констатируется: «Часть оленей перешла в дикие стада, о чем свидетельствуют заявления охотников о том, что на территории охотничьих угодий колхоза и оленьих пастбищ нет ни одного дикого стада без примеси домашних оленей».²⁵ Архивные документы постоянно фиксируют информацию о том, что планирование поголовья оленей не базировалось на реальной почве и далеко от действительности. Производственные планы составлялись по так называемым «книжным остаткам поголовья» оленей, а не после практического проведения инвентаризации, которая ежегодно проводится в январе-феврале. Таким образом, все совхозные (колхозные) олени существовали лишь на бумажных отчетах и планах. А в реальной жизни паслись полудикие стада, численность которых установить не представлялось возможным (она всегда была относительной).

Наибольшая численность стада приходится на 1960–1970-е годы, когда был период расцвета в развитии коллективного хозяйства уйльта. А к 1990-м годам поголовье оленей резко сократилось в 8–10 раз. В конце XX в. начался процесс «перестройки» в стране, который естественно отразился и на оленеводстве. В начале 2000-х гг. произошло незначительное увеличение стада, но по сравнению с 1940 г. оно стало меньше в 3 раза и более.

Как свидетельствуют материалы архивов, практически на протяжении всего существования коллективного оленеводческого хозяйства уйльта, не было никаких особых перспектив для его естественного развития. Постоянные огромные нагрузки на оленеводов (не хватало профессиональных пастухов), неоправданные планы доведения стада до таких размеров, которые могли наносить уже вред природе, жалобы зоотехников на невозможность соблюсти все специальные требования, необходимые для выведения нужной породы оленя и проведения ветеринарного обслуживания – все это никак не предвещало дальнейшего развития оленеводства в такой форме. Распад колхоза был закономерным результатом

24 ГАСО. ф. 333, оп. 1, д. 1, л. 2 об.

25 ГАСО. ф. 333, оп. 1, д. 1, л. 3.

всего хода его развития, так как абсолютно всё в хозяйстве проводилось формально, отношение к оленю было настолько грубо потребительским, что это вызывало неоднократное возмущение оленеводов.²⁶

Вплоть до января 1990 г. продолжался сбор государственной статистической отчетности о «народностях Севера» «о численности кочующего населения и переводе его на оседлый образ жизни» (это формулировки документов советского времени, ныне хранящихся в архивах). При отчетности Валовского сельсовета Ногликского района фиксация наличия или отсутствия «кочующего населения» определялась наличием постоянного жилья на территории сельсовета. Хотя, как говорят экспедиционные наблюдения, нельзя утверждать, что абсолютно все пастухи-олeneводы даже в советское время, имея *de jure* постоянное жилье, жили в поселке. Были пастухи, которые *de facto* вели полукочевой образ жизни, лишь изредка бывая в поселке, хотя их семьи действительно уже жили в поселке постоянно. В действительности невозможно было развивать оленеводство, переведя все коренное население на оседлый образ жизни. Явно, нельзя было сочетать эти две противоположные позиции.²⁷ Факт полного разрушения системы оленеводства уйльта стал очевиден к концу XX века (к концу советского периода истории государства).

В 1930–1940-е годы в целом в Сахалинской области шло увеличение поголовья оленей в коллективных хозяйствах с четырех сотен до шести с лишним тысяч голов:

Годы	1930	1940	1945	1948	1949
Всего оленей	414	6560	5725	5305	6257

А в 1990-е годы в Сахалинской области шел процесс значительного сокращения численности домашних северных оленей. Всего во всех категориях хозяйств (колхозных и личных) в области было учтено в 1991 г. – 4 тысячи, а к 1998 г. это число сокращается до трех тысяч голов и менее трех тысяч северных оленей²⁸:

Годы	1991	1995	1996	1997	1998
Всего оленей	4000	3200	3200	3100	2900

При этом коллективное оленеводство в северной группе уйльта достигло своего пика в 1967 г. – около 8,5 тысяч голов, а в начале 1990-х годов уже упало до 900 голов, а к 2002 г. числилось всего 176 голов (по данным различных архивных источников):

26 ПМА. Сахалинская обл., Ногликский р-н (информаторы – оленеводы с. Вал). Экспедиция 2003 г.

27 Долгих Б.О. Некоторые вопросы национальной политики на Севере СССР // Полевые исследования. Новая серия. Т. I. Вып. 2. М., 1993. С. 145.

28 Поронайский райархив, ф. 137, оп. 1, д. 5, л. 25.

Годы	1939	1940	1943	1944	1947	1948(49)	1950	1952	1953	1954	1955	1956	1962		
Всего оленей	1111	3325	5485	4076	3740	4005	5145	5012	4888	5614	4976	5700	6297		
Годы	1963	1964	1965	1966	1967	1991	1992	1994	1995	1996	1997	1999	2000	2001	2002
Всего оленей	6756	6868	7416	7461	8415	1052	968	907	872	920	1010	1087	1019	1024	176

Распад коллективного хозяйства был обусловлен изменением политического строя государства и образовавшимися новыми экономическими отношениями в обществе, при которых ни у кого не оказалось заинтересованности продолжать «удерживать» любыми средствами коллективное оленеводство на Сахалине. Экономической прибыли такое хозяйство дать не могло. Таким образом, создав коллективное оленеводческое хозяйство уйльта, государство само же обусловило и его распад. Уклад жизни оленеводов не вписывался в новые рыночные отношения. Из-за прекращения организации выпаса олени разбились на мелкие группы, которые рассредоточились на территории трех районов Сахалина. Неохраняемые стада частично были уничтожены браконьерами, а большая часть оленей стала подвержена процессу быстрого одичания.

Та же участь постигла и коллективное оленеводческое хозяйство южной группы уйльта. Площадь земель, закрепленных в хозяйственное пользование за сельскохозяйственными предприятиями коренных малочисленных народов Севера в Поронайском районе, составляют 5,7 тыс. га, в т. ч. 5,2 тыс. га занимают рыболовные угодия. Вовсе отсутствуют земли, предназначенные для оленьих пастбищ, что отражает картину прекращения когда-то очень важной сферы жизнедеятельности – оленеводства. Этот вид хозяйственной деятельности среди южной группы уйльта существовал до 1980-х гг.²⁹ и изжил себя значительно раньше, чем в северной группе, в 1950-е–1970-е годы здесь насчитывалось всего от 400 до 1600 голов оленей:

Годы	1948	1968	1972	1975	1976
Всего оленей	432	1628	1255	975	546

В Акте об инвентаризации стада оленей отделения «Оленевод» зверосовхоза «Поронайский» на 1 января 1976 г. зафиксированы всего 546 оленей из числящихся по официальной документации 975 голов. После проведения этой инвентаризации был составлен акт на списание 429 голов оленей. Причины гибели оленей обосновывались пожарами, уходом оленей «мелкими группами» в другие районы (Макаровский, Смирныховский, Тымовский, Томаринский, Углегорский), «отстрелом браконьерами».³⁰

29 Поронайский райархив, ф. 53, оп. 1, д. 87, л. 2.

30 Акты, составленные бригадиром Грудцином и зоотехником Михальским, хранятся в Личном архиве бывшего директора Поронайского коопзверопромхоза А.М. Короткого / ПМА, Сахалинская обл., г. Поронайск. Экспедиция 2004 г.

Анализируя эту ситуацию, встает вопрос, нужно ли уйльта заниматься оленеводством в XXI веке. Материалы экспедиционных исследований и официальные документы отвечают на этот вопрос однозначно положительно: в конце XX – начале XXI в. после трагического распада коллективных хозяйств оказались живы устои предков. В Ногликском районе, в ведении одной бригады, составленной уже по родственно-дружеским отношениям, в 2001–2003 гг. находилось около 100 одомашненных оленей. Кроме этой бригады существовали еще 3 малые семейные хозяйства, исчисляемые в единицах голов оленей.

Отличается ли система годового цикла выпаса оленей у уйльта, продолжающих заниматься оленеводством в нашем веке от прежних времен? Чтобы рассмотреть систему годового хозяйственного цикла, обратимся снова к архивным данным (1916 г.)³¹: «Ороки – оленеводы; кроме того, весной и летом они занимаются рыболовством и промыслом нерпы, а осенью и зимою промышляют соболя, лисицу, белку, медведя и дикого оленя». «В зависимости от оленеводства ороки ведут полукочевой образ жизни и не имеют определенного местопребывания и их не только летники, но и зимние стойбища по восточному побережью Сахалина являются стоянками на определенный период времени. Кочевой район ороков простирается от мыса Делиль-де-ля-Кройэра до Пильтунского залива». «Ороки живут в конусообразных палатках, остов которых из жердей покрывается полотнищами из рыбьих кож... При перемене жительство остов палатки оставляется на месте и с него снимается только полотнища».³² Именно так, за исключением некоторых закономерно и естественно существующих изменений, и живут оленеводы в наше время.³³ Примерно такое же описание дает и С. Патканов в 1906 г.³⁴ Пути выпаса оленей могут каждый год немного видоизменяться, но основные стоянки при перекочевках у оленеводов одни и те же.

Если сравнить маршруты выпаса оленей в настоящее время и сто лет назад, окажется, что они во многом схожи. Все направления передвижений оленей, а вслед за ними – людей, сохраняются и сейчас. Разница состоит лишь в том, что уменьшилась площадь территории, пригодной для выпаса, поэтому оленеводческие пути стали значительно короче.³⁵ При

---

31 Во всех цитатах полностью сохранена грамматика и стилистика архивных документов (со всеми неточностями, нарушающими правила русского языка).

32 См.: Сведения об ороках, гиляках и других аборигенах острова Сахалина. [1916 год] / ГАСО, ф. 1038, оп. 1, д. 42, л. 3.

33 ПМА, 2003.

34 Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. II. Прочие тунгусские племена / Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXXI. СПб., 1906. С. 137–138.

35 Подробнее см.: Карты-схемы. Маршруты годового цикла выпаса оленей. Ногликский и Поронайский районы Сахалинской области // Миссонова. Уйльта Сахалина; Миссонова Л.И. Этнонимия ульта Сахалина // Имя и этнос. М., 1996. С. 51–56.

сравнении масштабов оленеводства, численности поголовья стада, размеров площадей выпаса оленей у северной и южной групп уйльта, вытекает вывод о том, что в северной группе народа оленеводство было развито в гораздо большем объеме, чем в южной группе. Это характерно как для начальной стадии существования коллективного оленеводческого хозяйства, так и на его конечном этапе в советский период истории.

Подобные процессы в различные века происходили и у других народов, например, у саамов Норвегии. Оленеводство развивалось среди саамов (в более ранние века), живущих во внутренних регионах Норвегии, в то время как прибрежные саамы занимались рыболовством и перешли на оседлый образ жизни.³⁶ Именно сохранением оленеводческих традиций в некоторых семьях объясняется желание северных уйльта продолжать заниматься оленеводством и сегодня; равно как более давнее отсутствие оленеводческих навыков и освоение рыболовецкого промысла обуславливает стремление южных уйльта развивать сейчас именно рыболовство.

Трансформация коллективного оленеводческого хозяйства северной и южной групп в советское время оказывается во многом схожей. Можно утверждать, что коллективное оленеводческое хозяйство южной группы уйльта, также как и северной, было создано и разрушено по инициативе государственной власти. Однако необходимо отметить, что, вероятнее всего, этот процесс не был ни преднамеренным, ни осознанным со стороны управленческой структуры. Увеличение колхозного стада оленей не обозначало ни развития, ни «возрождения» оленеводства уйльта или самих уйльта. Сомнительно, чтобы «увеличение» стада улучшало их жизненный уровень. В современный период истории оленеводы утверждают, что ни за что не хотели бы снова вернуться в «колхозное время»: их очень тяготило постоянное отсутствие свободы в действиях оленевода, нужно было подчиняться порой таким указаниям, которые явно были составлены без конкретного понятия о реалиях и возможностях оленеводства. Кроме того, советское коллективное оленеводство разрушило нормы семейного уклада жизни уйльта, что лишило многих оленеводов возможности иметь продолжение своего «рода» (своей семьи) в настоящее время.

В начале XXI в. наблюдается возврат представителей оленеводческой культуры уйльта к развитию семейных хозяйств, что происходит вновь при кочевом образе жизни. Никаких специалистов зоотехников и ветфельдшеров уже нет, но, оленеводы вовсе не относятся к этому как чему-то безысходному: они сами лечат своих оленей и занимаются выведением их потомства так, как это делали их предки в конце XIX – начале XX века. Попытки советского времени выведения каких-то особых оленей на Сахалине были для чего-то нужны различным чиновникам, которые давали распоряжения «сверху» от имени государства, а уйльтинскому народу в этом не было никакой нужды. Их жизненным потребностям вполне соот-

---

36 Bjorklund, "Sami Reindeer Pastoralism"; Bjorklund, "Revitalization or Reification."

ветствуют олени, живущие на Сахалине, к примеру, как в XIX–XX, так и в начале XXI в. Олень, прежде всего, используется как транспортное средство (это рационально в условиях тайги и тундры). Кроме того, олень – это материальное достояние (благополучие) семьи, при этом надо помнить, что одомашненных оленей практически не используют в пищу, для этого охотятся на диких оленей. Но главным на современном этапе истории представляется тот факт, что олень обеспечивает образ жизни оленевода, проще говоря, защищает человека от пьянства и деградации, сближает его с природой и заставляет жить в единстве с законами природы, предоставляющими в конечном итоге те ценности, которые неизменно необходимы были людям для здорового образа жизни как сто-двести лет назад, так и сейчас. Вполне закономерно, что витальные потребности человека в различные века не слишком изменяются.

У многих народов Севера «тундра и поселок рассматриваются как два противоположных полюса местной жизни: тундра – как положительный, поселок – как отрицательный. Поселок несет в себе гибель, главным образом по причине алкоголя», в то же время на современном этапе истории поселок «необходим как связующее звено» между оленеводами и «остальным внешним миром».³⁷ Такова противоречивость жизненной ситуации, которую отмечают современные исследователи.

Мое последнее экспедиционное исследование проблем оленеводства проходило как среди оленеводческих семей посёлка Вал, так и непосредственно на оленеводческой стоянке в тайге на верхнем притоке Нилауша реки Вал. Выбор этого места характерен для зимнего времени года (декабря), так как в это время здесь всегда хорошо ловится рыба («Налу» – в переводе с уйльтинского языка обозначает «кижуч», «Налауса» – «кижучевая речка», т. е. речка, на которую всегда с моря поднимался по рекам на нерест кижуч). В это время года рыба нужна для питания как оленеводам, так и оленям. Оленей традиционно подкармливают рыбой в этот сезон. Стоянка расположена вне административных границ Ногликского района – в Охинском районе. Так было и в советское время, так было и в прежние века. Оленеводы следуют по пути сезонного передвижения оленей, основываясь на жизненно важных потребностях оленя (связанных с циклами времен года), при этом, естественно, олень не разбирает никаких административных границ

В тайге постоянно находится от 10 до 14 оленеводов. Сравнивая с данными моей экспедиции с оленеводческими бригадами осенью 2003 г., число основных специалистов среди оленеводов (старейшин и просто опытных оленеводов) сократилось на 5 человек (4 чел. умерли и 1 ушел из этой сферы деятельности, уехал в другой населенный пункт). Для такого небольшого общего числа оленеводов эта цифра очень большая. Однако при этом число оленеводов, находящихся в тайге, осталось прежним,

---

37 Этногеографические исследования. С. 14–15.

так как на их место пришли другие члены этих же оленеводческих семей, хотя ранее они не всегда вели кочевой образ жизни, жили в пос. Вал. Если обратить внимание на фамилии членов колхоза, имевших личных оленей, начиная с 1948 г. – по архивным данным – и в последующие годы советского и постсоветского периодов, легко увидеть среди них те же фамилии, какие и сегодня представляют пастухи-оленеводы пос. Вал – Борисовы, Владимировы, Гавриловы, Егоровы, Иннокентьевы, Кирилловы, Макаровы, Мироновы, Михеевы, Осиповы, Павловы, Семеновы, Соловьевы, Степановы. Иными словами, это представители тех семей, которые не прерывали занятие оленеводством ни в какие времена истории. Очень важно, что все нынешние оленеводы – это представители традиционно оленеводческих семей северной группы уйльта позапрошлого столетия. Они владели оленями до советского периода истории, далее работали в оленеводческом колхозе, позднее – совхозе в советское время, всегда имея личных оленей. Разница лишь в том, что кочевали раньше целыми семьями, а теперь кочуют лишь отдельные члены семей мужского пола (часто это братья или отец с сыном, племянником), остальные члены семей живут в поселке.

Кроме того, в XXI в. оленеводы северной группы уйльта – это единственные оленеводы на всем острове Сахалин. Ведь, как отмечалось выше, существовавшее в прежние времена оленеводческое хозяйство южной группы уйльта (как и советское коллективное хозяйство эвенков на Сахалине) распалось в конце советского периода, и можно констатировать, что никаких реальных возможностей для их восстановления сегодня нет.

Оленеводы Ногликского района	быки	самки	ездовые самцы	молодняк 2006 года	молодняк 2007 года	Итого декабрь 2007 года
Иннокентьев И.В.	1	5	7	4	4	21 (колеблется до 20)
Макаров Вл.р.Н.	2	10	12	8	7	39
Макаров Виктор Н.						
Миронов Н.Н.	3	4	6	3	3	19
Миронов М.Н.						
Михеев Виктор А.		1	4	2	3	10 (колеблется до 16)
Михеев Г. А.	1	6	5		4	16 (колеблется до 21)
Михеев Василий А.						
Алексееенко С.В.		4	6	3	4	17 (колеблется до 16)
Степанов Алексей Г.	1	3	5	2	3	14
Степанов Александр Г.						
Соловьев В.Н.	1	6	4	4	4	19
Владимиров Е.						
Всего: 13 человек						155 оленей (колеблется до 164)

2 оленевода умерли в 2007 году.

Каждый год число меняется от 12 до 14 оленеводов.

Несмотря на явное сокращение специалистов среди уйльтинских оленеводов, общее поголовье оленей к концу 2007 г. увеличилось с 2003 г. в полтора раза. В 2003 г. насчитывалось немногим более 100 голов, через 4 года – 157 голов. Каждая оленеводческая семья имеет от 14 до 21 оленя, одна – 39 оленей. Такое количество оленей в прежние века обеспечивали кочевой образ жизни уйльта: с весны до осени ездили верхом на оленях и перевозили грузы сверху на оленях, в снежное время года использовали нарты и для передвижения, и для перевозки грузов на оленях. Так передвигаются и в настоящее время. Кроме того, оленей доили, использовали в пищу молоко, делали масло. Известна эта практика некоторых семей и в начале XXI века. Забивали на мясо в досоветское время, как правило, диких оленей. Домашних – передавали по наследству. Все эти законы жизни присутствуют и сегодня. Оленеводческий образ жизни в разные времена года включал (и включает) в себя и сезонную охоту (на дичь и пушного зверя), и сезонный рыболовный промысел.

Главная отличительная черта ведения оленеводческого хозяйства заключается в том, что ранее олень был необходим для фактического выживания человека в условиях тайги и тундры, сегодня же олень фактически не обеспечивает серьезной материальной защиты семьи оленевода. Скорее, оленеводство крайне необходимо для нормального развития человеческого общества уйльта в сложившихся социально-экономических условиях. Рыночным это хозяйство на данном этапе быть не может, оно убыточно, живет за счет поддержки областной и районной администраций, а также за счет разовых «подачек» крупной нефтяной компании «Сахалин Энерджи инвестмент компании ЛТД.». Социально-экономических проблем у оленеводов очень много, одной из главных считается фактически полное юридическое отсутствие прав на их исконную землю. Уйдя от зависимости *de iure* от советского государства, теперь уже они *de facto* попали под зависимость от нефте- и газо промыслов влиятельных компаний. Эта ситуация характерна для многих малочисленных народов Севера России. Подобные проблемы постоянно ставятся на очередных съездах малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что оленеводство продолжает играть очень важную роль в социальной жизни уйльта. Несмотря на крайне ограниченное число оленеводов, в их среде четко бытует мнение о том, что уйльта принадлежат именно к оленеводческому народу, в отличие, к примеру, от других живущих рядом с ними представителей коренного народа Сахалина нивхов. Именно память у современного поколения и южной, и северной группы уйльта об оленеводческой сфере деятельности их предков, четко позволяет им идентифицировать себя с этим народом.

Итак, оленеводство уйльта с конца XIX – по начало XXI в. было в постоянной зависимости от внешних политических и социально-экономических условий, в результате – оно претерпело «болезненные» изме-

нения. До конца XIX – начала XX в. оленеводческий образ жизни народа складывался более естественным путем, без сильного влияния внезапно возникающих внешних факторов. На этом этапе развивались семейные оленеводческие хозяйства, включенные в систему родовых отношений. Далее, в советский период, за короткий промежуток времени в приказном порядке создаются коллективные хозяйства, которые, просуществовав несколько десятилетий, также быстро разрушаются, потому что наступает определенный момент, когда «сверху» уже никому не хочется заниматься оленеводством на Сахалине. Вывод очевиден: именно условия, созданные государственной системой, обеспечивали коллективный выпас оленей – в этом не было потребности общества уйльта. Немногочисленные по поголовью оленей хозяйства в прежние времена обеспечивали необходимые условия для жизни людей. А начавшийся в советское время отрыв пастухов от семьи и от дома, естественно не мог способствовать нормальному развитию отношений в семьях и пагубно сказался на передаче молодым навыков предков ведения оленеводческого хозяйства. Внедрение современных технологий и медицинских познаний проходило в колхозах и совхозах чаще всего формально, поэтому не могло принести больших результатов. В результате, как и у многих других народов Севера, «к наиболее важным... изменениям можно отнести ... увеличение “числа степеней свободы” в возможностях экономического поведения оленеводов».³⁸

В конце XX в. в постсоветский период **происходит трагический кризис** системы коллективных оленеводческих хозяйств и вообще оленеводства уйльта. Но этот процесс не закачивается, казалось бы, логичным прекращением оленеводства на Сахалине вообще. В начале XXI в. создаются условия для перехода вновь к семейному способу выпаса оленей. Становится ясно, что, как и в досоветское время, оленеводство в XXI в. не будет слишком масштабным. Но потребности в развитии личного оленеводческого хозяйства очевидны.

Естественно, что оленеводческая сфера видоизменялась на протяжении последних веков (XIX–XXI вв.). При этом явствует трансформация значимости оленеводства в жизни уйльта, и, одновременно, стабильно сохраняющаяся значимость самого оленеводства: постепенно уходит необходимость развития оленеводства как основной сферы жизнеобеспечения, однако ничуть не уменьшается и, напротив, в определенной степени возрастает значимость оленеводства как формы выживания этнической общности. Иными словами, изменяется смысловое содержание понятия «олeneводство»: от формы обеспечения естественного выживания человека в ежедневном быту до формы выживания малочисленного народа в многоэтническом обществе. Ныне оленеводство не представляется ни стабильной, ни экономически выгодной сферой деятельности. При этом малочисленность оленеводческой сферы деятельности в данной ситуа-

---

38 Там же. С. 18.

ции не служит критерием оценки значимости самого оленеводства для уйльта. Малочисленность относится как к крайне малому числу оленеводов, принадлежащих (идентифицирующих себя) к данному народу, так и к числу одомашненных голов оленей на Сахалине. Следует еще раз обратить внимание на тот факт, что в данный период истории оленеводством на Сахалине занимаются только немногочисленные представители именно потомственных родов уйльта, или потомки смешанных с уйльта браков с эвенками, до сих пор несущие традицию оленеводческих обществ своих прародителей. Для них жизнь «в сопровождении оленей» обеспечивает не экономически высокую стабильность завтрашнего дня, а скорее стабильную «размеренность» жизни. При этом информация о принадлежности современных оленеводческих (и не только оленеводческих) семей к определенному роду занимает довольно прочное место в народной памяти. А сохраняющаяся память об оленеводстве уйльта (и в северной, и в южной группе) зачастую служит критерием отнесения (самоидентификации) человека, давно далекого от практического оленеводства, именно к этой малочисленной этнической общности Сахалина.

Интересно сравнить с ситуацией восприятия оленеводческой деятельности, к примеру, у саамов Норвегии. Как отмечает Ивар Бйорклунд, саамы-олeneводы никогда не составляли более 5–10 % саамского населения в целом, однако, согласно официальным подсчетам и этнографическим исследованиям, единственными «истинными» саамами на севере были оленеводы, живущие во внутренних районах страны.³⁹

Если рассматривать проблемы оленеводства у других малочисленных коренных народов Севера России, можно увидеть совершенно различные ситуации.

История коллективизации и перевода на оседлость в советском государстве иногда имела и свои исключения. Так, например, это очень отличалось у тувинцев-тоджинцев от других северных народов России. С 1921 по 1944 г. Тыва официально считалась независимым государством, поэтому коллективизация и перевод кочевников на оседлость осуществлялись здесь не так грубо и однозначно, «Даже после того, как коллективизация и перевод на оседлость были официально признаны законченными, интерпретация понятия «оседлый образ жизни» в Тыве была более свободной», чем во многих других районах России», и кочевой образ жизни остался неотъемлемой частью тоджинской хозяйственной системы, его и по сей день ведут около 30 семей тувинцев-тоджинцев.⁴⁰

Иной пример представляет оленеводство в Мурманской области, которое не мыслится без интеграции в рыночные отношения. Здесь перспективу выживания оленеводческой отрасли в основном видят в выходе

---

39 Bjorklund, "Sami Reindeer Pastoralism"; Bjorklund, "Revitalization or Reification."

40 Донахо Б., Истомин К.В. Изменение практики регулирования доступа к природным ресурсам у оленеводческих народов Сибири // Расы и народы. № 33. М., 2007. С. 148.

на международный рынок – в продаже оленины в Норвегию, Швецию и Финляндию.⁴¹

Отличительной от многих других регионов можно назвать в целом ситуацию развития хозяйств в Мурманской области: хозяйства, существовавшие до перестройки, не раздробились, на сегодняшний день на Кольском полуострове существует три крупных оленеводческих хозяйства.⁴² Сейчас это довольно редкая ситуация для России.

В Сахалинской области на современном этапе истории совершенно иную роль играет оленеводство. Ни о какой рыночной экономике в области оленеводства на Сахалине речь не идет. Кочевой образ жизни помогает молодому поколению не деградировать, выжить в современных экономических условиях и более того, возврат к оленеводческому образу жизни части представителей уйльта служит сильным мобилизирующим фактором самоопределения для всего народа. Люди идентифицируют себя с этим народом, отличая себя, в частности, от живущих по соседству нивхов, которые занимаются морскими промыслами и никогда не разводили оленей.

Идентификация народа происходила и происходит сейчас на разных уровнях. Многоуровневый характер идентичности выражается в следующих понятиях: общий этноним, название по месту жительства – местности, речке, по названию рода или патронимии, территориальной группы и др. Первична была самоидентификация по названию рода, которое часто иноязычный собиратель воспринимал как название поселения (например, «Сукту» – это искаженное название рода Сюкта). Название рода в свою очередь часто непосредственно связаны с топонимическими названиями (так, род Сюкта кочевал по реке Сюкта, поэтому приобрел это название – ныне это река Поронай). Вторична самоидентификация по стойбищу (название стойбища могло отражать принадлежность к определенному роду, но могло быть и просто топонимическим). Идентификация по родам была особенно значима до тех пор, пока «кочевали», а «кочевали» до 1930-х годов, хотя и в наши дни интерес к роду своих предков сохраняется, а последнее десятилетие – даже возрастает. Можно определенно отметить идентификацию уйльта по следующим родам: *Намиса*, *Бајауса* (*Даји* и *Нучи*). *Синаху-ду*, *Ториса* (*Даји* и *Нучи*), *Гетта*, *Сюкта*, *Муйгэйтэ*, *Тэгэсэ*. Необходимо обратить особое внимание, что *Валетта*, *Дахи нани*(*нени*) и *Найпуну нани* (*нени*) не могут считаться родами, так как по мнению многих информаторов, данные названия обозначают дословно лишь известные места обитания уйльта, относящиеся к более позднему времени: жители реки Вал,

---

41 Кучинский М.Г. Риторика традиционности и реалии природопользования // Расы и народы. № 33. М., 2007. С. 65.

42 Там же.

земли Дагинской /Дахинской (т. е. реки Даги), устья реки Найпу (происходит от айнского *на й* – «река», *п у* – «устье»). К этим «жителям» могли относиться представители различных родов.

Рассмотрим иной уровень идентификации. Необычайное обилие (более 20) в прошлом наименований, обозначающих уйльта, используется в быту и литературе (я многократно писала об этом в различных работах, но эта проблема остается значимой, поэтому привожу еще раз эти данные), чего не было ни у одного из соседних народов⁴³: орныр, тазунг, тозунг, уилта, ульта, уйльта, уйрута, орок, орокко, ораката, ороцко, ороохо, оронгодохун, ульчар, додзин, улка, улька, ороконы, ольчи. ороохо, орокес, ольча, ороксы... Безусловно, что некоторые приведенные наименования – это лишь результат разного звучания (произношения) одних и тех же этнонимов, но их нужно учитывать, так как при их использовании в различных документах сразу же начиналось искажение численности народа (например, при сводке статистических данных, при описании поселений, стойбищ). В каждом определенном случае чиновник и в XIX, и в XX находился в условиях выбора: какое из вышеназванных «написаний» отождествлять с национальностью этого народа, а какое можно отнести к другому народу. При этом каждый руководствовался своей логикой отождествления, изменение одной буквы могло привести к отнесению человека не к своей этнической общности, а к орочам-тунгусам (т. е. эвенкам), к орочам или ульчам (были и единичные случаи отнесения к тазам).

В результате в последнее десятилетие XX в. начался процесс активной самоидентификации, который привел уйльта к тому, чтобы сделать все возможное, чтобы уже в конце XX в. ввести в официальную государственную практику свой этноним, образованный именно от слова *ула* – олень (уйльта – «люди, живущие с оленем»), так как именно оленеводство всегда отличало их от соседних народов Сахалина, а тип ведения оленеводческого хозяйства – от других тунгусских народов материка.

Стоит заметить, что не слишком успешное, и совсем уж некорректное, вторжение государства в различные исторические эпохи можно увидеть не только в оленеводческую сферу деятельности. Также как, например, принятие православной веры среди уйльта в конце XIX – начале XX в. не обозначало потребности людей данного этнического сообщества в перемене веры, так и переход к коллективному выпасу оленей были вынужденными формами бытия представителей малочисленного народа в возникающих условиях Российского и Советского государства. Ни то, ни другое не указывало на готовность общества отказаться навсегда от многовековых представлений о жизни, поэтому ни то, ни другое не прижилось в социальной сфере. Были нарушены принципы самодостаточности

---

43 Миссонова Л.И. Этнонимия ульта Сахалина // Имя и этнос. М., 1996. С. 51–56.

общества не только в материальной сфере, но и в системе общественных отношений, что характерно для многих народов Севера России.⁴⁴

Продолжать развивать личное оленеводство в XXI в. означает, с одной стороны, для немногочисленной части представителей уйльта – вести приемлемый образ жизни, а, с другой стороны, соотнесение себя с оленеводческим обществом зачастую служит критерием, на основе которого происходит единение людей в этническую общность уйльта на Сахалине.

Представителю уйльта именно свобода в выборе способов и методов хозяйственной деятельности помогает сохранить себя как личность и утвердиться в своей принадлежности к определенной этнической единице. В итоге этнокультурной динамики к началу XXI в. сохранение этнической общности для уйльта служит той формой бытия, в которой возможно естественное развитие социальной культуры и обеспечение шанса «выжить» в современных экономических условиях. В новых условиях этносоциальной среды самосознание народа укрепляется и вынуждено играет восстановительную роль для нормальной жизнедеятельности этнической общности. В первой переписи населения России III тысячелетия данный народ впервые официально отражен как «ульта» (более 340 чел.). По официальной статистике в 1989 г. (т. е. перед началом государственной перестройки) их числилось 179 чел. Это безусловный итог многокомпонентного процесса самоэтнического определения – самоидентификации народа уйльта.

Самоидентификация ульта (то есть, уйльта, орочен, ороков) по Переписи РФ 2002 г.⁴⁵

(идентификация этнических наименований)

<i>Ульта</i>	- 42 чел.
<i>Уйльта</i>	- 72 чел.
<i>Ороки</i>	- 37 чел.
<i>Ороч с родным языком ульта</i>	- 37 чел.
<i>Орочён с родным языком ульта</i>	- 148 чел.
<i>Ульча с родным языком ульта</i>	- 10 чел.

<i>Всего</i>	- 346 чел.

В том числе, «ороч с родным языком ульта» (всего 37 чел.):

Сахалинская область	- 23 чел.
Хабаровский край	- 11 чел.
Саратовская область	- 2 чел.
Республика Саха (Якутия)	- 1 чел.

44 Например, подробнее об этом: Клоков К.Б. в кн.: Этногеографические исследования. С. 5, 7–8.

45 Данные Всероссийской переписи населения 2002 года // Электронный архив Института этнологии и антропологии РАН. Москва.

Людмила Миссонова

Оленеводы северной группы уйльта. Ногликский район Сахалинской области. Декабрь 2007 года. Фото Л.И. Миссоновой.

Ежедневный быт оленеводов в зимний период времени года. Ногликский район Сахалинской области. Декабрь 2007 года. Фото Л.И. Миссоновой.

Сезонное рыболовство оленеводов. Ногликский район Сахалинской области.
Декабрь 2007 года. Фото Л.И. Миссоновой.

Людмила Миссонова

Сезонная охота оленеводов. Ногликский район Сахалинской области. Декабрь 2007 года. Фото Л.И. Миссоновой.

